

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Отзыв официального оппонента о диссертации Бочкарева Сергея Александровича «Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания», выполненной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальностям 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учения о праве и государстве; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право¹

Ю. В. ГОЛИК – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7449-2659>, e-mail: akskrf@yandex.ru

Уголовное право является уникальной сокровищницей знаний. При этом оно само является системой научного знания. Отрадно отметить, что С. А. Бочкарев указал это уже в названии своего исследования. Ключевой проблемой становится ответ на, казалось бы, простой вопрос: что такое знание? И чем отличается (или должно отличаться) научное знание от бытового или обыденного? Есть ли вообще такие отличия? Например, человек знает, что солнце всходит на востоке, но не знает, почему оно всходит именно там, а не на западе. Он не имеет представления ни о строении Вселенной, ни о вращении планет вокруг Солнца. Это как-то умаляет его базовое знание о том, что солнце всходит на востоке? И таких вопросов очень много. В общем-то, вся наша жизнь состоит из этих вопросов.

Что касается уголовного права, то эта сфера не является исключением. Человек совершает преступление и должен быть за это наказан. Но что такое преступление? И что такое наказание? Почему в Древнем Египте наступил на тень фараона считалось преступлением? А сегодня такого преступления нет, да и самих фараонов

тоже нет. А кражи совершались при фараонах и совершаются сейчас. Кражи пережили фараонов. Будут ли они совершаться в будущем? Кто знает.

Раньше людей за преступления казнили, причем казнили часто очень изощренно. Специалисты насчитывают более двухсот видов смертной казни. Сегодня этого все меньше и меньше, но в повестке дня стоит модификация личности как уголовное наказание. Это лучше или хуже? Кто знает.

Подобные вопросы накапливались тысячелетия и будут накапливаться дальше. Это как сам процесс познания: он имеет начало, но не имеет конца.

Казалось бы, ничего не изменилось. Фараонов сменили другие виды правителей, а кражи частично сохранились неизменными, а частично преобразовались в иные формы хищений. И тень фараонов (президентов, монархов и других руководителей) никуда не делась.

Но по историческому процессу как наиболее объективному критерию можно судить, что изменения на самом деле латентно происходили и в конечном итоге произошли. В первую очередь они касались знания. Сформировалось знание того, что есть тень и в чем состоит ее святость, а также чем эта святость отличается от не менее священного права собственности. Через модификацию и аккумуляцию этого знания наступило понимание.

Сначала последовало, как убедительно продемонстрировал соискатель (с. 290), индивидуальное и во многом опережающее понимание на уровне отдельных мыслителей того, что, в отличие от собственности, тень не имеет онтологической ценности, а придаваемое ей значение располагает исключительно приходящими и уходящими свойствами. Только спустя многие века наступило общественное понимание и признание этих же положений. Произошла, иными словами, социализация знания.

В результате длительного и, как правило, опытного познания общественной жизнедеятельности, ее изменений под воздействием различных факторов достигалось получение полного объема знаний об охраняемых правом объектах. Его формирование в свою очередь не проходило бесследно и не оставалось в умах философов, приводило к конкретным для уголовного права последствиям – его трансформации, гуманизации либо дегуманизации, расширению или сужению сферы его компетенции и юрисдикции.

В связи с этим нельзя не согласиться с диссертантом, когда он убедительно позиционирует знание в его двух ключевых и неразрывно взаимосвязанных ипостасях: как объект эволюции общественного сознания (с. 20), в связи с чем применяет к нему метафизический подход, поскольку без высокой степени абстракции, присущей этому подходу, процессы надисторического порядка ни одному позитивному методу не

¹ На заседании 25 июня 2020 г. диссертационный совет Д 002.002.07 при Институте государства и права Российской академии наук принял решение присудить Бочкареву Сергею Александровичу степень доктора юридических наук по итогам защиты диссертации на тему «Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания».

проследить, и как результат конкретно-исторического развития (с. 23), когда знание о событии происшествия, виновности лица, опасности и наказуемости совершенного им деяния вырабатывается здесь и сейчас участниками судопроизводства.

Все эти параметры уголовного права и знания о нем обычно в науке либо опускаются, либо не поднимаются. Почему? Проблема, как замечает диссертант, состоит в том типе научной рациональности, который учеными взят на вооружение (с. 21). Из-за присущих ему ограничений над суждениями о динамике уголовного права сегодня довлеют локализованный взгляд и ситуативная логика. В лучших традициях позитивизма изменения в системе, структуре и нормах этого права специалисты объясняют, как правило, конкретно историческими событиями, волей и предпочтениями действующей власти (господствующего класса). Очень удобный, надо сказать, подход, поскольку позволяет без углубления в социальную материю оперативно отвечать на тривиальные и во многом популистские вопросы, кто виноват и что и кому делать. В итоге получается, что позитивистский подход активно используется в основном за счет своей наглядности и удобства, а не по причине познавательной полезности и полноценности.

Протекание скрытых от невооруженного взгляда процессов гносеологического порядка практически не принимается во внимание. Не учитывается, что через общественно-политические институты, на которые обычно ссылаются позитивисты как на достаточное объяснение происходящих в обществе изменений, совершается в основном только объективация знания, его признание и придание ему официального статуса по причине одобрения социумом, широкого распространения и введения в практическую жизнь.

Уже сказанное заставляет рассматривать весь процесс в комплексе, а это рано или поздно должно вывести исследователя на систему всего знания.

Соискатель назвал свое сочинение теоретико-методологическим исследованием уголовного права. Разумеется, уголовное право изучалось и задолго до него, изучается оно и в наши дни. Изучается оно и как система. Однако до сих пор никто не брал на себя смелость изучить эту проблему как систему научного знания. Это принципиально важно, ибо позволяет взглянуть на все уголовное право как бы со стороны, находясь при этом внутри. Эффект познания увеличивается многократно.

Все сказанное позволяет оценить работу как актуальную, имеющую большое теоретическое и, как ни странно это звучит в данном случае, практическое значение. Она может послужить добротной основой для целого ряда дальнейших исследований.

Работа очень хорошо структурирована. При огромном массиве проблем автор сумел ото-

брать те, которые лучше всего выделяют все проблемные стороны темы, и скрупулезно их описал.

При написании работы автор использовал очень большой объем литературы, в том числе и зарубежной, нормативный материал, судебную практику, исследования других авторов. Это все позволяет оценить сделанные им выводы и предложения как научно обоснованные и достоверные, могущие быть использованными в других научных исследованиях.

В работе содержится достаточно много живых примеров, которые не просто иллюстрируют мысль автора, а позволяют глубже проникнуть в суть проблемы, высвечивают какие-то новые грани темы, делают сам процесс познания более емким.

Очень интересна структура работы. Автор начинает исследование с изучения генезиса уголовно-правового знания (гл. 1). Речь идет именно о генезисе и именно об уголовно-правовом знании. Дальше он переходит к описанию состояния субъектов уголовно-правового знания (гл. 2). Это очень важный момент: кто и как создает уголовно-правовое знание? Как правило, мы вообще не задумываемся над этим в своей повседневной жизни, а пристальный взгляд позволяет высветить такие неожиданные пласты и подходы, что впору задуматься, кто же рулит процессом. Затем он начинает исследование состояния уголовно-правового знания как объекта познания (гл. 3). Я бы, правда, поменял эти главы местами, но это потребовало бы и других изменений (прежде всего внутри самих этих глав). Однако автор волен выбирать свой собственный путь познания, на то он и автор. В гл. 4 соискатель дает свое видение картины философских предпосылок становления уголовно-правовой мысли и ее преобразования в знание. Принципиально важно отметить, что автор видит сначала появление мысли как таковой (как тут не вспомнить «в начале было слово»), которая затем может (но не обязательно) трансформироваться в знание. Это очень перспективный подход исследования, в том числе и в сфере уголовного права. Наконец, завершает все гл. 5 «Потенциал философского подхода в познании уголовного права». Если внимательно вчитаться в авторские описания, то мы увидим поистине безбрежный океан возможностей использования философии в уголовном праве. И это очень хорошо.

Здесь нужно отметить, что обращение соискателя к философскому опыту было осмысленным. Необходимость его использования современной наукой уголовного права, разделяющей в основном прямо противоположные взгляды на философию, последовательно и развернуто обосновывается на протяжении первых трех глав. При этом переход к философским основаниям уголовного права С. А. Бочкарев сделал не только для обозначения несовершенства структуры научного знания и восполнения существующего в нем дефицита философского элемента.

Переход целенаправленно совершен диссертантом в противовес традиционному подходу, с помощью которого уголовно-правовое знание сегодня добывается наукой в основном опытным и весьма затратным по времени путем, а потому, можно сказать, социально неоправданным способом. На осознание и имплементацию простых истин, как доказательно показал автор на богатом историческом материале, уходят века, а то и тысячелетия (с. 289–370). Вспомним высказанные еще в V в. до н. э. предложения Протагора отказаться от возмездия как идеи наказания и использовать его только для улучшения виновного. Массовая адаптация этих предложений и их постепенное вживление в законодательство в качестве нормы общественной жизни начались только на заре Нового времени.

Соискатель обосновал и на примерах показал, что тесная кооперация научного и философского знания представляет собой альтернативный, не менее полезный и авторитетный для науки путь пополнения знаний через постижение онтологических основ уголовного права. Он позволяет здесь и сейчас узнать о том, что есть охраняемое этим правом благо, через углубление в его природу и без применения к нему метода проб и ошибок, требующего для своей реализации значительных временных, ресурсных и общественно-политических издержек. Этот же путь является безальтернативным для проверки того уголовно-правового знания, которое получено наукой исключительно эмпирическим путем, и отличия спекулятивных ценностей от так называемых истинных благ, реально нуждающихся в уголовно-правовой защите.

Избранная автором структура работы и используемые приемы описания позволили ему достичь поставленных целей и задач и полноценно раскрыть содержание проблемы.

Нельзя не отметить, что работа защищает по двум специальностям, и это заслуживает уважения и одобрения. Вообще, деление знания на специальности в наши дни приобретает все более и более условный характер. Недаром И. Валлерстайн утверждал, что такое деление (по направлениям науки) существует только в нашей голове и никакого отношения к реальной жизни и к реальной науке не имеет.

Общая положительная оценка работы не исключает возможности сделать некоторые замечания.

Первое. Вызывают вопросы некоторые тезисы положений, выносимых на защиту. Так, на с. 20 (положение № 5) автор утверждает: «Подлинным и перманентным источником уголовно-правового знания является сознание человека». Всегда ли? Сознание может получать готовое знание извне (например, норма права, положения уголовно-правовой теории и т. д.). Разве в этом случае оно, сознание, тоже будет являться источником знания?

Второе. На с. 21 в положении № 8 утверждается, что логико-позитивистская и крити-

ко-рационалистическая традиция привели «к выработке ограничений в научном познании криминальной реальности, достижению пределов в практическом понимании уголовно-правовой действительности, а также к появлению издержек в социальной поддержке права». Как это могло привести к выработке ограничений в научном познании? Что вообще такое «ограничения в научном познании»? Возможны ли они в принципе?

Третье. В гл. 1 соискатель много внимания уделяет описанию процесса становления науки уголовного права в России. При этом он использует материалы дискуссии в газете «Право» 1915 г. Сегодня за давностью забылись и сама эта газета, и та дискуссия. О ней у нас хорошо написал в свое время А. Н. Трайнин, работа которого по этому поводу практически не вспоминается. А напрасно. Дело в том, что дискуссия о путях развития уголовного законодательства в Германии фактически стала причиной кризиса в науке уголовного права Германии. У нас нечто подобное было в 50-х гг. прошлого столетия, когда ученые пытались определить, что же такое вина в уголовном праве. Известна фраза Поскребышева, брошенная им с трибуны XIX съезда ВКП(б), которая завершила всю дискуссию: «Без вина в вине не разберешься». Вместо того чтобы разобратся в этом сложнейшем вопросе, мы прекратили все поиски истины на долгие годы. Вопрос заключается в том, сможем ли мы избежать ошибок прошлого в поисках истины или будем их с нелепой настойчивостью повторять.

Четвертое. На с. 122 автор приводит цитату из работы десятилетней давности, в которой утверждается, что российское общество переходит в эпоху глобализма. В наше время появилась масса аргументированных заключений о том, что эпоха глобализма закончилась. Одно из последних изложено академиком С. Ю. Глазьевым в его докладе «О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса». От глобализма как такового отказались и его «родители» (Сорос и др.). Стоит ли нам опираться на давнишние выводы сегодня?

Пятое. Не могу согласиться и с поддержкой автором давнишней позиции И. Г. Михайловского о том, что уголовная политика не есть наука (с. 146). Слишком много воды утекло с тех пор, все поменялось. Автор в какой-то мере противоречит сам себе, когда позже (с. 203) ставит рядом уголовную политику и уголовное право. Значит уголовная политика все же является наукой?

Высказанные замечания носят частный и уточняющий характер, при желании могут быть оспорены. Они не могут поколебать общего положительного впечатления от работы, которая отвечает всем предъявляемым к данному классу работ требованиям, является самостоятельным, законченным научным произведением и вполне обоснованно вынесена на защиту.